

НИНА ХАРРИНГТОН

Интервью с идеальной женщиной

Поцелуй – Harlequin

Нина Харрингтон

Интервью с идеальной женщиной

«Центрполиграф»

2013

Харрингтон Н.

Интервью с идеальной женщиной / Н. Харрингтон —
«Центрполиграф», 2013 — (Поцелуй – Harlequin)

Эмбер Дюбуа, молодая красивая женщина и всемирно известная пианистка, внезапно объявила о своем уходе с большой сцены. Сэм Ричардс получил задание от своего босса – добиться встречи с мисс Дюбуа и выяснить, что заставило ее принять такое решение на вершине славы. От того, как Сэм справится с задачей, зависит его будущее в журналистике. Сложность заключалась в том, что десять лет назад он разбил сердце Эмбер, бросив ее без объяснения причин. Сэм не представлял, как сможет убедить ее забыть прошлое и обнажить тайны своей души на потребу сгорающей от любопытства публики. Неожиданно мисс Дюбуа явилась к нему сама и предложила эксклюзивное интервью, но с шокирующим условием...

© Харрингтон Н., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нина Харрингтон

Интервью с идеальной женщиной

© 2013 by Nina Harrington

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Nina Harrington. The First Crush is The Deepest

* * *

Глава 1

Эмбер Дюбуа закрыла глаза и попыталась взять себя в руки.

– Да, Хит, – сказала она в трубку. – Конечно же я берегу себя. Нет, не стану засиживаться слишком долго сегодня вечером. Да, да, часа два самое большее.

Лимузин замедлил ход, и она покосилась на внушительные каменные колонны роскошного лондонского частного клуба.

– Ой, кажется, мы уже подъехали. Пока, Хит. Обнимаю.

Эмбер вздохнула и убрала телефон в дизайнерскую сумочку. У Хита добрые намерения, но в его глазах она по-прежнему оставалась подростком, сводной сестрой, которую ему навязали, о которой надо заботиться. Она никогда не повзрослеет, поэтому нельзя ей позволять самой отвечать за себя. Он о ней заботился, а она знала, что всегда может положиться на него во всем. А это много значит, особенно в трудные периоды жизни. Подобные нынешнему.

Эмбер взглянула сквозь морозящий дождь на входные двери клуба, и уже собиралась сказать водителю, что передумала, когда пухленькая блондинка в пурпурном корсажном платье на два размера меньше, чем требовалось, выскочила из клуба и буквально втащила ее в холл.

Она мало напоминала ту девочку с длинными волосами, которая верховодила всеми в средней школе. Эмбер тотчас по осанке мисс Снути прочитала «Мой папа банкир» и в ужасе осознала, что звезда встречи одноклассников по случаю десятилетия выпуска намертво вцепилась в ее запястье, однако достаточно быстро пришла в себя, подалась вперед и вlepила поцелуй в обе щеки блондинки с громким «м-мау».

– Эмбер! Дорогая! Как замечательно снова тебя увидеть. Мы так рады, что ты нашла время для нашей встречи, учитывая то, какую захватывающую жизнь ты сейчас ведешь. Пройди же. Мы хотим знать все!

Подталкиваемая в спину, Эмбер фактически влетела в великолепный бальный зал: мраморный пол, парча, зеркальный потолок, огромные позолоченные люстры. Вокруг банкетных столов несколько группок женщин под тридцать со скучающими лицами и бокалами в руках. Все прекратили разговоры и повернулись к ней.

На концертах Эмбер привыкла к зрителям, но атмосфера зала была настолько неотзывчивой, просто ледяной, что по спине у нее побежали мурашки.

– Глядите-ка, Эмбер Дюбуа наконец-то почтила нас своим присутствием. Разве не изумительно! Чудесного вечера!

Пару минут спустя Эмбер с бокалом минеральной воды стояла у стола с закусками. Она улыбнулась Снути, та покусывала уголок нижней губы.

– Что-то не так? – поинтересовалась Эмбер.

Собеседница нервно сглотнула.

– Что ты! Все просто великолепно. Мне только нужно еще кое-что проверить, но, дорогая, ты не стесняйся, здесь все свои! – прошептала Снути и отскочила, подхватив под руку кого-то из старших учениц.

Прищурив глаза, Эмбер оглядывала замысловатые прически женщин. Те время от времени исподтишка поглядывали на нее, словно опасаясь подойти и заговорить. Ситуация начала забавлять Эмбер. Конечно, за эти годы она успела прославиться как пианистка, но осталась все той же тихой и неприметной долговязой неуклюжей девочкой, которую одноклассницы поддразнивали в школьную пору.

И тут она заметила: сногсшибательный, ослепительно отполированный черный рояль стоял перед высокими венецианскими окнами. Словно в ожидании.

Так вот в чем причина, по которой бывшие одноклассники снизошли до того, чтобы отыскать ее и прислать приглашение. Эмбер громко вздохнула и невольно опустила плечи. Похоже, мир не меняется.

Они никогда не интересовались ею в период учебы. Она, возможно, общалась с кем-то, но не принадлежала к шикарному аристократическому кружку или серьезным девочкам из академической группы. Сидела обычно на последней парте и забиралась в конец автобуса вместе с остальными чужаками.

Очевидно, настало время послушать примадонну. Что ж, пусть так будет. Единственное выступление этим вечером. Они его получат!

Фотоаппараты засверкали вспышками, когда Эмбер, высоко вскинув голову, направилась к дамской комнате, стараясь не поскользнуться на полированном мраморе и не сверзнуться со своих умопомрачительных дизайнерских платформ. У нее за спиной кто-то дважды легонько постучал по микрофону. Она вошла в дамскую комнату, крепко прижав дверь спиной, на мгновение закрыла глаза.

Убежище! Речи только начались, и у нее есть несколько драгоценных минут, чтобы укрыться. Возможно, даже улетучиться.

Она хотела незаметно выглянуть, чтобы взвесить шансы на побег, но звук падающего предмета эхом докатился из смежной комнаты, за ним немедленно последовали цветистые ругательства.

Эмбер пошла посмотреть, что происходит. Маленькая брюнетка стояла на раковине, пытаясь дотянуться до высоко расположенного окна. Рядом валялось перевернутое пластмассовое ведро.

– Что это? Кейт Ловат сбегает с вечеринки? – Короткий смешок непроизвольно сорвался с губ Эмбер, брюнетка мигом развернулась и вскрикнула, осознав, кто перед ней. При этом она закачалась так, что Эмбер рванулась к ней и обхватила рукой за талию, обтянутую эластичной тканью сногшибательного винтажного платья цвета спелой вишни.

Кейт Ловат одна из немногих подруг, которых она приобрела в средней школе. Неудержимая, миниатюрная и пылкая, она отличалась невероятной самоуверенностью и такой же силой духа, сравнимой разве что с высотой каблуков, которые она носила, чтобы дотянуться до среднего роста. Сегодня ее короткие обычно взъерошенные волосы были приглажены в стильной асимметрии, придававшей ей элегантный и одновременно лукавый вид.

– Кейт! – Эмбер рассмеялась. – Я молилась, чтобы ты пришла на эту встречу. Выглядишь изумительно!

– Боже мой! Спасибо, милая леди. Взаимно. Ты более чем великолепна! – Кейт замерла, открыв рот, ее глаза были прикованы к полу. – О боже, эти туфли! Как я хочу такие туфли! Если бы не размер, я бы без промедления разула тебя и сбежала с ними отсюда! – Она отступила и взглянула в лицо Эмбер. – Ты выглядишь осунувшейся. И сильно похудела с прошлой нашей встречи. Я говорила тебе, что внезапно стала ясновидящей? Представь, вижу шоколад в твоём ближайшем будущем. О, да еще в таком количестве! – Она обхватила запястье Эмбер и, прижав кончики пальцев другой руки ко лбу, изобразила, что читает мысли. – Дай догадаюсь. Ты поскользнулась на кубике льда на вечеринке. Нет, это было в круизе по Карибам на яхте? Наверное, сложно было играть после этого на пианино?

– Утомись, Кейт. Если хочешь знать, я споткнулась о собственный чемодан пару недель назад. И да, я отменила все на следующие полгода, чтобы запястье зажило. А почему ты танцуешь тут на раковине, а не болтаешь с одноклассниками?

Кейт вздохнула, ее нижняя губа задрожала. Казалось, она хотела что-то сказать, но передумала, заулыбалась и махнула рукой на дверь:

– Похитители блокировали двери, чтобы не дать нам выбраться отсюда! Шучу... Простой дурацкий день. – Кейт вздернула подбородок. – Но есть идея, – сказала она, восторженно

засверкав темно-зелеными глазами. Кивнула на красную бархатную кушетку в другом конце дамской комнаты. Две тарелки с коктейльными закусками стояли на полу. – У нас есть кушетка, две тарелки вкусностей. И самое главное, Саския вот-вот вернется с напитками и пирожными! У нас троих будет отличная вечеринка прямо здесь. Что скажешь?

Эмбер опустила плечи, обняла старую подругу:

– Прекрасная идея. Давно не слышала ничего лучше. Я и забыла, как соскучилась по вас. Я думала, Саския все еще во Франции.

Кейт моргнула:

– Ох, столько всего произошло. Столько всего надо тебе рассказать. – С этими словами она вскинула руки и обхватила Эмбер вокруг талии.

– Как же я рада тебя видеть! Ну что же ты, садись. Что заставило тебя покинуть круг избранных? Или, может статься, кто? – Внезапно Кейт замерла и прижала пальцы к губам. – Нет, не говори, что эта подколотая змея Петра посмела показаться тебе на глаза.

Эмбер судорожно втянула глоток воздуха:

– Петра?.. Я ее не заметила, а может, просто не узнала...

– Десять лет не слишком большой срок, чтобы забыть это лицо, – нахмурилась Кейт. – Что ж, я тебя понимаю: некоторые вещи нельзя прощать. Ни при каких раскладах. Совсем не по-дружески отбивать парня у лучшей подруги. Особенно на вечеринке по случаю ее восемнадцатилетия. – Она взмахнула рукой. – Уф-ф, это таргалетка с грибами?

– Угощайся. – Эмбер протянула Кейт свою тарелку. Она внезапно потеряла аппетит. Воспоминание о том дне промелькнуло в памяти, вызвав горький привкус сожаления. – Танго танцуют двое, Кейт, – пробормотала она. – Насколько я помню, Сэм Ричардс не жаловался, когда Петра начала атаку на него.

– Конечно нет. Она ослепила его. Стоило ей решить, что Сэм ее цель – у него не осталось шансов. – Кейт мельком взглянула на Эмбер. – Кстати, он вернулся в Лондон. Журналист. Пишет для той шикарной газеты, о которой всегда твердил.

Эмбер очень медленно подняла голову:

– Какая прелесть. Возможно, мне следует позвонить редактору и предупредить, что его новый репортер падок на все, что блесит?

– Осторожнее, – хмыкнула Кейт. – Скажут, я плохо влияю на тебя.

– Ну уж нет! Привет, Эмбер, – раздался пронзительный, но приятный голос.

– Саския! – Кейт стремительно подхватила тарелку с крохотными шоколадными эклерами. – Ты только посмотри, кто здесь! О, что с твоим платьем?

Саския плавно опустилась на кушетку, поставила на пол бутылку шардоне и два бокала, чтобы обнять подругу.

Только тут Эмбер обратила внимание на пятно от красного вина на кружевном рукаве ее кремового платья. Саския схватила бумажное полотенце и принялась вытирать пятно.

– Видимо, меня причислили к прокаженным, потому что я отказала школьному комитету бесплатно использовать Элвуд-Хаус для своих еженедельных вечеринок, на которые меня никогда и не приглашали. Видели бы вы их лица в тот момент, когда я озвучила почасовые расценки. Вот тогда-то все и началось, на меня посыпались оскорбления. Да еще какие! – Она презрительно фыркнула. – Честно говоря, я потрясена.

– Где они? Никто не смеет оскорблять мою подругу, не поплатившись за это. – Кейт расправила плечи и выпятила подбородок. – Нас трое против всей этой компании. Неплохой расклад.

– А я целых десять лет изображаю капризную примадонну, – поддержала ее Эмбер. – Хотите видеть меня в действии? Я могу быть невыносимой!

Саския замотала головой:

– Это сыграло бы им на руку. Они только обрадуются, если мы устроим скандал. Будет о чем посплетничать. Пусть все останется как есть. Я решила быть выше этого. – Ее лицо осветила улыбка. – Мне так хорошо здесь с вами. Кейт, будь добра, открой бутылку. Рассказывайте. У меня ничего интересного: личная жизнь заморожена до тех пор, пока Элвуд-Хаус не начнет достойно функционировать. Как обстоят дела у тебя, Кейт?

Кейт разливала вино, но подняла голову.

– Не смотрите на меня с надеждой, – ответила она, не скрывая неудовольствия. – Похоже, у меня врожденная способность отпугивать существ мужского пола. Они пробуют меня на вкус и разбегаются. В отличие от некоторых особ, которых мы знаем. Ну же, Эмбер. Какие новости про того альпиниста, красавчика и здоровяка, с которым мы тебя видели в журналах о знаменитостях?

– Все в прошлом. Я с ним порвала, – ответила Эмбер и сделала глоток вина. – Но я живу интересно. Если когда-нибудь выберусь из этой дамской комнаты, планирую начать сбор средств для благотворительного фонда моей подруги Парвиты в Индии, и кто знает, может быть, встречу кого-нибудь в ближайшие месяцы. С ней мы посетили сиротский приют несколько месяцев назад, и я пообещала девочкам, что вернусь к ним, если смогу. Это сказочное место прямо на берегу моря, – рассеянно добавила она и улыбнулась. – Кого я обманываю? Хит придет в бешенство, если узнает, что я помышляю о возвращении в Индию.

– Твой сводный брат? – прошептала Кейт. – С чего это он должен возражать?

Эмбер вздохнула и посмотрела сначала на Саскию, затем снова на Кейт:

– Он волнуется за меня. Понимаете, я не просто споткнулась о свой чемодан и сломала запястье. Я как раз возвращалась из Индии в полном изнеможении, у меня был упадок сил. Это случилось внезапно...

Резкий смех заставил ее прерваться на полуслове. Шумная компания женщин ввалились в комнату. Их голоса, отраженные от кафельных стен, обрушились на трех подруг. Эмбер зажала уши ладонями:

– Похоже, речи окончены, и я только что услышала слово «караоке». – Она показала рукой на выход. – Может, нам удастся прокрасться к боковому выходу, если поспешим. Моя квартира рядом. Расскажу, что на самом деле произошло в Индии и почему Хит взволнован не меньше меня.

Глава 2

– Расскажите, что вы знаете о Бэмби Дюбуа?

Вопрос застал Сэма Ричардса врасплох, как удар меж глаз. Он чуть не поперхнулся остатками кофейной гущи на дне чашки. Фрэнк Эванс, размашистым шагом ворвавшийся в кабинет, словно гонимый ураганным ветром, помахал глянцевым журналом перед его носом. Сэм втянул воздух и поприветствовал нового босса, приложив руку к воображаемому козырьку. Фрэнк сделал себе имя в медиакомпании как один из самых энергичных и проницательных редакторов, но Сэма уже предупредили, что Фрэнк занимает эту должность отнюдь не благодаря профессиональным навыкам.

– И вам доброе утро, Фрэнк. Спасибо за теплый прием в ледяном Лондоне.

– Ну-ну, да. – Фрэнк неопределенно взмахнул рукой в сторону Сэма и ткнул пальцем в стол. – Садитесь. Понедельничное безумие. Сегодня хуже чем когда-либо. Вы же знаете, как это бывает. Главный уже подгоняет, а ведь еще и девяти нет. Самое время для рок-н-ролла. Рассказывайте. Я слушаю. Покажите мне, что вы не полностью оторвались от лондонской сцены за столько лет пребывания в глуши.

Сэм подавил смешок. Слишком много для легкого и непринужденного первого дня на новой работе. Фрэнк пристроил свой зад в кожаное кресло с противоположной стороны новомодного стола и провел короткими толстыми пальцами по редющим бесцветным волосам, прежде чем выпить то, что уже превратилось в холодный молочный кофе. Его дешевый галстук был немного оттянут, рукава рубашки тосковали по утюгу, зато глаза светились умом.

Бэмби Дюбуа? Потрясение, которое он испытал, услышав ее имя, заставило его замереть, но он взял себя в руки и включил мозг. Сэм сдвинул брови, делая вид, будто обдумывает ответ, постарался придать лицу выражение безучастно равнодушного журналиста и наконец изрек:

– Вы имеет в виду Эмбер Дюбуа? Англичанку. Пианистку. Блондинку. Длинноногую. Стройную. Популярную среди ведущих модных дизайнеров, которым нравится, когда она выступает на концертах в их нарядах. – Он пожал плечами.

Босс пристально разглядывал его:

– Вы забыли добавить, что несколько лет назад она была лицом крупнейшей косметической компании. И не где-нибудь, а в Лос-Анджелесе! – со значением добавил он и подтолкнул журнал в сторону Сэма.

Обложку украшала фотография Эмбер, или Бэмби, Дюбуа в струящемся голубом платье, украшенном драгоценными камнями, с лифом без бретелей. Застенчивая долговязая неуклюжая девочка-подросток, которую Сэм когда-то знал, стала красивой грациозной женщиной, которая не только владела собой, но и упивалась своим талантом. Она сидела за черным роялем, выставив вперед длинную стройную ногу, демонстрируя отделанную драгоценными камнями босоножку на высоком каблуке. Сэм был ошарашен тем, как потрясающе она выглядела, и не сразу обратил внимание на то, что его новый босс обводит заголовок зажеванным концом шариковой ручки.

«Всемирно известная концертирующая пианистка Эмбер Дюбуа потрясла мир классической музыки заявлением, что завершает карьеру в свои двадцать восемь лет. У всех на устах застыл вопрос «Почему?» и что дальше планирует Бэмби Дюбуа?»

Фрэнк с азартом прихлопнул ладонью обложку журнала, так, что его пальцы накрыли грудь Эмбер.

– Носом чую историю. Должны быть крайне веские основания, чтобы профессиональному музыканту подобного уровня объявить о завершении карьеры на самом пике творческого расцвета. По слухам, наша Эмбер присоединилась к модному среди тщеславных знаменитостей благотворительному проекту по усыновлению в Индии и пожертвовала туда все свои деньги, но

ее агент отказывается это комментировать. По мне, так это уловка, чтобы заставить оркестры умолять ее вернуться с солидным вознаграждением. И я хочу, чтобы наша газета первой откопала правду. – Фрэнк откинулся назад и скрестил руки на груди. – Более того, я хочу, чтобы вы занялись этой историей и принесли в газету эксклюзивное интервью прекрасной мисс Дюбуа. Можете рассматривать это как свое первое задание. – Фрэнк пожал плечами. – Да, отличное стартовое задание. Можете поблагодарить меня за такой шанс.

Благодарить? На какую-то долю секунды Сэм засомневался, не шутка ли это. Не притаилась ли где-то скрытая камера, которая фиксирует его реакцию на столь потрясающий шанс.

Сэм сжал кулаки и отодвинул руки от журнала, подавляя искушение скомкать и швырнуть его Фрэнку обратно, сопроводив это парой метких слов, определяющих его мнение о маленькой шутке босса. Одновременно острый ум по обыкновению искал возможный вариант достойного отказа с предложением пригласить другого журналиста для этого столь ответственного задания. Нужные слова растворились в воздухе.

Ему потребовалось три месяца, чтобы устроить перевод из Лос-Анджелеса. Он отдал медиа-гиганту «Глобал стар» десять лет жизни. Поднялся с должности рассыльного. Нынешняя позиция выше, чем просто ступень в карьерной лестнице, это работа, о которой Сэм мечтал со школьных лет. Единственная работа, которую он желал.

Сэм дважды моргнул:

– Простите, Фрэнк, но, должно быть, я ослышался. Интервью со знаменитостями – пройденный этап для меня. Я претендовал на место журналиста-аналитика, а не обозревателя колонки светских сплетен.

Фрэнк фыркнул и подавил смешок:

– А вы знаете, за счет чего оплачивается превосходный офис, в котором мы с вами сейчас сидим, Сэм? За счет продаж журнала. А публика обожает истории о знаменитостях, особенно когда дело касается такой красоты, как Эмбер Дюбуа. Этим утром Интернет пестрит сообщениями, что оркестры выстраиваются в очередь и предлагают ей огромные бонусы, если она согласится выступать с ними последний сезон перед тем, как покинуть сцену. Выходит, это заявление – рекламный трюк. Девчонка – гений. – Он поднял руку и показал знак V. – За последние десять лет она была замечена только в двух любовных романах. И не со скучными классическими музыкантами. Нашей девочке нравятся энергичные парни. Сначала итальянский автогонщик. Именно она вдохновила его на титул чемпиона мира. Потом появился шотландский альпинист. Ради нее он совершил восхождение на Эверест с благотворительными целями. Поклонники обожают ее. И тут такое... – Фрэнк начал выбивать решительную дробь шариковой ручкой. – Считайте это вашим первым интервью со знаменитостью. Кто знает? Возможно, это станет последней безделицей, которую вы напишете. Используйте часть знаменитого обаяния, о котором я наслышан. Прекрасная мисс Дюбуа размякнет, как глина, в ваших руках.

В его руках? Сэм разжал кулаки и обхватил колени. Интересно, кто нашептал этой акуле-редактору, что десять лет назад его руки знали все самое сокровенное об Эмбер – Бэмби Дюбуа. Ее надежды, мечты, вкусы. Пицца с анчоусами. Чувствительное место на шее, которое могло заставить ее мгновенно растаять... О да, Сэм Ричардс знал намного больше об Эмбер Дюбуа, нежели был готов рассказать кому бы то ни было.

Это задание либо вознесет его, либо погубит карьеру. Той ночью, когда они расстались, Сэм поклялся себе, что никогда не расскажет историю Эмбер, как бы отчаянно ни нуждался в деньгах или славе. Все слишком личное, сокровенное. И он хранил обещание, несмотря на соблазны. Однако для мира, в котором он вращался, не существует ни личного, ни сокровенного.

Сэм видел много популярных музыкантов, актеров, которые использовали всяческие трюки, добываясь внимания средств информации. Он изучил свое ремесло, писал об их мел-

ких драмах и отчаянной потребности во внимании, но Эмбер никогда не была одной из них. Она обладала талантом, сама добилась успеха, да и камера любила ее внешность.

Фрэнк ерзал на стуле, в нетерпении ожидая решение Сэма.

Сэм посмотрел в его умные коварные глаза с ощущением, что он погружается в бездну. Казалось, его пронзает острая боль. Что он мог сделать? Он не авторитетный специалист, чтобы в первый же день работы диктовать свои условия. Да и Фрэнк мог бы подождать, пока он освоится.

– Уверен, вы правы, Фрэнк. Но я ожидал приступить к исследованию политики финансирования еврозоны, которое мы с вами обсуждали. Вы сняли его с плана?

Фрэнк залез в ящик своего стола и протянул Сэму папку:

– Вовсе нет. Все, что мы видели до настоящего времени, вопиющие свидетельства коррупции на всех уровнях от основания до самого верха. Проглядите эти материалы. Исследовательская команда уже наметила ряд интервью с посвященными лицами по всей Европе. И все это ожидает того, кто приподнимет камни и посмотрит, что ползает под ними.

Сэм бегло просмотрел первые страницы записок и базовой информации для интервью, в голове замелькали варианты целой серии статей по данному исследованию. И чем больше он читал, тем чаще колотилось сердце.

Вот оно. Настоящая финансовая журналистика, благодаря которой он заявит себя в газете как серьезный журналист и получит заветное место редактора. И обязательно в Лондоне.

– Ваш отец все еще владеет прокатом лимузинов в Найтсбридж? Мы несколько раз пользовались его услугами. Большие автомобили. Ваш папа, наверное, обрадуется, увидев ваше имя на первой странице.

Наверное? Наверняка. Отец будет в восторге. Он пожертвовал всем ради сына после того, как мать оставила их. Стал единственным родителем для замкнутого раздражительного подростка, который пробивал свой путь вопреки обстоятельствам. Побуждаемый заветным честолюбивым желанием доказать миру, что он способен на большее, чем повторение пути отца – водителя лимузина. Да, он превратил в ад жизнь своего отца на многие годы. А папа всегда был рядом и во всем поддерживал его, не ожидая благодарности. Пришло время возвращать долги. Перевод в центральный лондонский офис «Глобал стар» – первый шаг. Он сумеет компенсировать отцу годы без телефонных звонков и рождественских визитов.

Досадно, что блестящая карьера вот-вот разобьется об айсберг по имени Эмбер.

Понимая, что Фрэнк наблюдает за ним, зная, насколько соблазнительна перспектива, Сэм закрыл папку и подвинул ее к Фрэнку.

– На самом деле несколько лет назад он продал дело по прокату лимузинов и приобрел недвижимость. Но вы правы, он был бы доволен. Итак, как мне порадовать старика, Фрэнк? Что я должен сделать, чтобы получить это назначение?

– Ничего сложного. Вы серьезно потрудились, чтобы завоевать репутацию стоящего трудяги в офисе Лос-Анджелеса, и теперь хотите место редактора. Я вас понимаю. Десять лет на передней линии – долгий срок, но я не могу просто так взять и преподнести вам это место на блюдечке с золотой каемочкой. Хотите получить место редактора, извольте провести эксклюзивное интервью с очаровательной Эмбер. Это ключевой момент. Да, и учтите, у вас две недели на все про все. Мы не можем рисковать тем, что кто-то опубликует историю Эмбер прежде нас. Мы поняли друг друга? Превосходно. С нетерпением жду вашего разоблачительного материала.

Сэм поднялся, Фрэнк крепко сжал его руку.

– И еще, Сэм, должен предупредить. Правда в истории «о младенцах голливудской Бэмби» должна быть ошеломительной, иначе вы снова окажетесь на нижней ступеньке лестницы и снова будете брать интервью у звезд мыльных опер: – Фрэнк кивнул и отпустил руку Сэма. – Можете забрать журнал. Забавы ради.

Сэм закрыл за собой дверь кабинета Фрэнка и молча замер, разглядывая ряды кабинок – рабочих мест, отделенных перегородками. Он давно привык к какофонии, создаваемой головами и телефонными звонками, она помогала блокировать тревожные сирены в его голове. Сэм вспомнил, как смотрел на стеклянный фасад здания и мечтал работать ведущим репортером в подобном месте. Писать важные статьи в солидных газетах, которые люди, подобные клиентам отца, скрупулезно прочитывали на заднем сиденье лимузина. Знаменательно, что, когда он рассказал отцу о своем желании стать журналистом в этой газете, отец стал работать сверхурочно, брать все полуночные поездки в аэропорт, неделя за неделей, месяц за месяцем, лишь бы сделать желание сына возможным. Отец ни разу, ни на миг не засомневался, что Сэм достигнет желаемого. И теперь Сэм здесь. Правда, мог ли он вообразить, что первое задание будет связано с Эмбер.

Сэм поглядел на обложку журнала. На него смотрела прекрасная женщина, единственная женщина, которая гарантированно спустит на него всех собак, едва он осмелится приблизиться к ней. Впрочем, поделом. Девятнадцатилетний Сэм Ричардс дал Эмбер Дюбуа очень серьезное основание никогда не пожелать разговаривать с ним. Он мог бы подарить ей первый поцелуй, но со всей прытью поторопился разбить ее сердце.

Оставалось попытаться убедить ее забыть прошлое и обнажить самые сокровенные тайны на потребу читающей публике. Да, придется попотеть. О возвращении в Лос-Анджелес не могло быть и речи. Придется добиться аудиенции у Эмбер. Каких бы унижений ему это ни стоило.

Глава 3

– Вы уверены? Совсем никаких интервью? А вы сообщили мисс Дюбуа, кто звонил? Да, да, я понимаю. Спасибо. Я буду следить за новостями на ее официальном веб-сайте.

Сэм закрыл крышку сотового телефона и постучал по лбу бесполезным в его ситуации средством связи, прежде чем засунуть его в карман. Официальный веб-сайт? Когда это профессиональное агентство по работе с талантами направляло журналиста к веб-сайту?! Нет, все значительно хуже. Его имя, вероятно, в черном списке, который Эмбер передала своему агенту. Это стоит обдумать, выработать план, и быстро.

Сэм намотал на руку ткань для полировки и принялся наводить лоск на гордость отца – старинный английский спортивный автомобиль с откидным верхом. Одна из немногих автомашин, которую отец оставил себе, когда пришлось продать салон классических автомобилей, чтобы расплатиться с матерью Сэма после развода.

Им с отцом понадобилось три года, чтобы вернуть этому чуду первозданный облик, который тот сохранял и сейчас. Три года работы по вечерам после школы и время от времени по воскресеньям. Три года тяжелой физической работы, когда они перетапливали горечь и боль из-за потери матери Сэма в пот, словно создание чего-то прочного и материального каким-то образом восполнило бы ее отсутствие. Но они сделали это. Вместе. Хотя Сэм и негодовал, тратя время и силы на этот автомобиль. Горечь и негодование переполняли его настолько, что, если бы он мог, охотно выгнал бы машину на улицу, поджег и с восторгом наблюдал, как она горит. Как сгорели его грезы в тот день, когда мать уехала. Он неистово злился на отца за то, что он не сменил работу, как того желала мама. За то, что не побегал за ней, умоляя остаться с ними. Сам он, когда спустился рано утром на завтрак и увидел маму, выходящую в парадную дверь с чемоданами, бежал за такси три улицы, до тех пор, пока ноги не отказали. Она ни разу не оглянулась в его сторону. Ни разу. И это все было по вине отца. Он должен был совершить нечто ужасное, что заставило ее уйти.

В те дни Сэм был совсем близко к тому, чтобы наброситься на отца с кулаками. Ни крики, ни вопли, ни молчаливое топанье по дому не действовали на этого надломленного мужчину, который продолжал работать, словно ничего не произошло. Для мальчика он тогда представлял собой даже не причину для расстройства, а скорее фитиль под бочкой с порохом.

Они прожили три долгих трудных года, прежде чем Сэм уехал в Америку.

Одновременно он получал от жизни уроки, которые до сих пор оставались зарубками на сердце. Он постиг, что постоянная любовь, брак и семья давно устарели и только разрушали людские жизни, нанося раны на всю жизнь тем детям, которые оказывались втянутыми в неразбериху чувств. Он видел это на примере своих родителей и родителей своих друзей, например Эмбер и девочек, с которыми она общалась. Ни у кого из них не было счастливого дома.

Бесчисленные разрушенные браки знаменитостей, с которыми он сталкивался за эти годы, лишь убедили его в своей правоте. Он был бы дураком, если бы позволил заманить себя в клетку под названием брак. Уж лучше оставаться холостяком как можно дольше, наслаждаясь компанией очаровательных женщин, которых привлекали роскошные тачки и шампанское. Это вполне устраивало его.

Никаких постоянных отношений. Никаких детей, которые станут несчастными жертвами, когда начнется битва. Жаль, его последняя подружка в Лос-Анджелесе отказывалась верить, что он не имел намерения предлагать ей переехать в его квартиру, и уже забронировала услуги устроителей свадеб, прежде чем осознала – он подразумевал именно то, что говорил. Хотя ему нравилась Алиса.

Сэму не составляло труда использовать свое обаяние и симпатичную внешность, чтобы убеждать даже сопротивляющихся знаменитостей поговорить с ним. И он был достаточно

хорош в своем деле, зарабатывая на жизнь недолгими дружескими беседами и приятными вечеринками.

Он верил металлу, инженерной мысли, создающей моторы, и электронике. Гладкий кузов над прочным красивым двигателем, созданным одним из лучших инженеров в мире. Люди могут подвести, и обязательно подведут, двигатели – никогда. Двигатели были тем, чем он был в состоянии управлять и на что полагался. Он доверял отцу, его прямоте и честности. Его папа никогда не сомневался, что сын сдаст экзамены, поступит в университет и воплотит в жизнь свою мечту стать журналистом. В отличие от матери. Последний разговор с ней врезался в его память и прожег как тавро, которое ни время, ни жизненный опыт не смогут стереть. Мать назвала его бесполезным мечтателем, который никогда ничего не добьется и будет зарабатывать извозом, совсем как его отец. Что ж, он доказал ее несостоятельность, и место редактора станет заключительным этапом в длинном и трудном пути, который начался в тот день, когда мать оставила их. Пришло время показать отцу, что он был прав, когда верил в сына. И насколько сын благодарен за все сделанное для него. Если бы не одно-единственное задание.

Он отчаянно нуждался в интервью с Эмбер. Знал, что она в Лондоне, знал, где живут ее друзья. Необходимо убедить ее, чего бы это ни стоило, даже если придется ходить за ней по пятам, выслеживать.

Сэм отошел от машины и, подойдя к мини-холодильнику в углу мастерской, вытащил воду. Прижал холодную бутылку к затылку, пытаясь остудить голову и успокоиться. Пора что-то придумать. Пора!

Раздался звонок у задней двери. Странно. Отец не любил, когда заказчики заходили в гараж. Это было его личное пространство. Всегда так было. Клиентам вход воспрещен. Сэм уменьшил громкость радиоприемника и только успел вытереть руки о бумажное полотенце, как деревянная дверь мастерской распахнулась.

И Эмбер, ноги от ушей, Бэмби Дюбуа вплыла в гараж, словно по воздуху. На ней было летнее платье до колен с цветочным узором в пастельно-розовых и приглушенно зеленых тонах, которое струилось при движении, скользя по стройным бедрам, словно поток живой воды. Темные ниши со старыми банками с маслами и каталогами, казалось, лишь еще больше подчеркивали блеск этой женщины. Она сделала еще несколько шагов ему навстречу, он едва удержался, чтобы не отступить назад, лишь бы дистанция между ними не изменилась. Его красивая, талантливая, вопиюще очаровательная посетительница, словно сошедшая со страниц журнала мод, была лучом солнечного света в окружавшей его темноте. Совсем как раньше. Увидев ее снова, он осознал, как сильно тосковал без нее, не решаясь признаться в этом даже себе.

Эмбер улыбнулась легкой вежливой улыбкой и поправила солнечные очки.

– Здесь совсем ничего не изменилось, – сказала она негромко.

Ее голос оставался таким же ласковым и нежно-музыкальным и прекрасным, каким он его запомнил. И по-прежнему будоражил кровь.

Она посмотрела на машину:

– И все тот же спортивный автомобиль. Удивительно.

Сэм часто задавался вопросом, какой теперь стала Эмбер. Конечно, он видел ее фотографии. Она смотрела с афиш и реклам на автобусах от Калифорнии до Лондона. Но это была не настоящая Эмбер. Работая в индустрии СМИ, он отлично в этом разбирался.

Теперь же перед ним стояла настоящая Эмбер.

Может быть, она решила простить его за то, как они расстались?

– Папа сохранил его. – Сэм пожал плечами. – Единственный экземпляр этой модели.

Эмбер помолчала, потом, вздохнув, произнесла:

– Последний раз я видела эту машину вечером того дня, когда отмечали мой восемнадцатый день рождения, ты на переднем сиденье погружал свой язык в глотку моей так называ-

емой подруги Петры. Приблизительно через двадцать минут после того, как заявил, что твоя любовь ко мне бессмертна. – Она сдавленно рассмеялась. – Да уж, я слишком хорошо помню этот автомобиль.

Или решила не прощать... Прощай, редакторское кресло.

Пора включать обаяние, прежде чем она порубит его на мелкие кусочки и прокоптит над выхлопной трубой.

– Привет, Эмбер. Как здорово снова увидеть тебя.

Сэм улыбнулся и сделал шаг навстречу, чтобы поцеловать ее в щеку, но прежде чем он успел это сделать, Эмбер подняла солнцезащитные очки и посмотрела на него своими замечательными лилово-синими глазами, взгляд которых решительно отвергал возможность того, что ее визит носит неформальный характер.

Контраст между ее фиалковыми глазами и прямыми светлыми волосами, в безукоризненном порядке ниспадавшими на плечи, казалось, лишь подчеркивал и выпячивал на первый план напряженность взгляда. Косметическая компания, несомненно, выбрала Эмбер за ее красоту и совершенство кожи, но лично он никогда не мог сопротивляться этим волшебным глазам. Добавить к этому совершенную линию нежных губ, и он покорен. С самого первого раза, когда увидел ее выходящей из лимузина его отца в сопровождении матери-примадонны.

Эмбер опустила голову, изучая его через завесу длинных волос, прежде чем откинула их в сторону и разрушила весь его мир одним взглядом. Улыбка играла на ее губах, но глаза не улыбались. Сэм вынужден был преодолевать неловкость под пристальным взглядом.

– Мой агент упомянул, что ты вернулся в Лондон. Я подумала, стоит заглянуть сюда, повидаться. Надеюсь, ты не возражаешь. – Внимательный взгляд передвигался от старых кроссовок к полинялым джинсам и изношенной, с пятном от масла, футболке.

– Вижу, твое представление о моде не слишком изменилось. Досадно. Я надеялась на некоторое улучшение.

Сэм посмотрел на свои джинсы:

– Ты про спецодежду? Разве ты не мечешься от досады, когда весь твой шифон в чистке и просто нечего надеть? – Он скрестил руки. – Эмбер, я совсем не возражаю, напротив, очень рад, что ты заглянула сюда, особенно после того, как мой редактор буквально изводил твоего агента просьбами организовать интервью. Он будет восхищен, узнав, что ты вот так запросто неожиданно нагрянула сюда.

Эмбер сделала шаг вперед, Сэм вдохнул опьяняюще-нежный цветочный аромат. Вихрь воспоминаний обрушился на него. Вот долгими летними днями они бродят по улицам Лондона. Взявшись за руки, болтая и смеясь, они наслаждались обществом друг друга, делились душевными тайнами. Эмбер была его лучшим другом так долго, что он даже не осознавал, как много она стала значить для него. До тех пор, пока их дружба не разбилась.

– Не лсти себе. Можно присесть?

Сэм жестом показал на жесткое деревянное кресло в углу, приспособленное отцом под дополнительную рабочую поверхность.

– Не совсем то, к чему ты привыкла, но, пожалуйста, садись.

Она кивком поблагодарила его и грациозно присела. Сэм покачал головой:

– С тобой не соскучишься, Эмбер Дюбуа. Я думал, придется искать какой-то исключительный ресторан в городе, чтобы уговорить тебя покинуть свое логово и дать мне интервью.

В ответ она вскинула безукоризненно очерченный подбородок и скрестила ноги. Сэм скользнул взглядом по длинным загорелым ногам, отметив узкие ступни в босоножках с плетеными из соломы ремешками. Ногти на руках и ногах были покрыты лаком бледно-розового цвета, того же цвета помада и цветочный мотив у платья. Воплощение высокого класса, дизайнерского стиля и роскоши. На долю секунды он представил себе, как подхватывает это

стройное тело и кладет на капот автомобиля, чтобы убедиться, что и кожа на ощупь столь же шикарна.

– С чего ты решил, будто я отказываюсь от интервью? Возможно, я здесь, чтобы поздравить тебя с помолвкой?

Сэм отшатнулся:

– Помолвкой?

– Разве вы не объявляли о своей помолвке в газетах Лос-Анджелеса? Или есть какой-то другой Сэмюэль Патрик Ричардс, любознательный репортер и фотожурналист из Лондона, который работал в этом прекрасном городе?

Сэм глубоко вздохнул и пожал плечами:

– Это недоразумение. Моя тогдашняя подруга решила организовать свадьбу, даже не спросив меня для начала. Очевидно, забыла, что все, связанное со свадьбами, вызывает у меня отвратительную сыпь. Это давнишняя аллергия, но я научился жить с ней. Так что, можешь оставить поздравления для иного случая.

– Да уж! Похоже, не меняется не только этот гараж. Ты, кажется, взял себе в привычку бегать от девушек. Возможно, нам всем стоит собраться и сформировать группу взаимной поддержки. Мы могли бы выпускать сетевой дневник в Интернете. – Она демонстративно взмахнула руками. – Что с тобой?

Сэм вдруг подошел к ней и осторожно оттянул рукав ее кардигана:

– У тебя рука в гипсе. Ужас! Бэмби, как тебя угораздило? Хотел сказать, тебе ведь играть на инструменте.

Она поправила рукав, подняла левую руку к груди:

– Несколько недель назад я сломала запястье и сейчас в официальном отпуске на лечении. Это строго не для печати. С профессиональной точки зрения все в порядке, благодарю за беспокойство. Сейчас я просто наслаждаюсь отдыхом.

Сэм покачал головой:

– Ну да, сменила рутину ежедневных занятий. Но с тобой все в порядке? Хочу спросить, без каких-то долгосрочных последствий?

Она вздохнула перед тем, как ответить. Сэму показалось, будто она собиралась сообщить ему что-то важное, но в последнюю минуту передумала.

– Простой перелом, никаких проблем. Упражнения хорошо помогают, через несколько месяцев рука станет как новенькая.

– Рад слышать. Тогда вернемся к моему первому вопросу. Что привело тебя сюда?

Он шагнул вперед и встал перед ней, опершись руками на подлокотники кресла. Она сидела, вытянув вперед ноги, теперь оказавшиеся в ловушке между его ногами. Он был так близко, что чувствовал ее учащенное дыхание на щеке и видел, как бьется жилка на шее.

Губы вытянулись в струнку и соответствовали суровому выражению глаз. Но вместо того, чтобы отпрянуть, Эмбер выдвинулась вперед, бросая ему вызов, ее глаза вспыхнули, он никогда прежде такого не видел.

– Ладно. Попытаюсь объяснить. Насколько я понимаю, тебе нужно интервью со мной в свете моего недавнего официального сообщения в печати, что я прерываю карьеру. Интересно, что ты можешь предложить особенное, что заставит меня предпочесть беседу с тобой встрече со всеми остальными журналистами, которые стучатся в мою дверь. Ты никогда не отличался застенчивостью или скромностью, поэтому твое предложение должно быть очень уж необычным.

– Безусловно. Помнишь мою мечту, о которой я так часто говорил? Я всегда хотел быть авторитетным обозревателем солидной респектабельной газеты. Так вот, так уж случилось, чтобы заполучить редакторское кресло, мне придется предоставить им заключительное интервью со знаменитостью.

Эмбер понимающе кивнула, приподняв брови:

– Я так и подумала. Насколько я понимаю, твой редактор не знает о нашем расставании в юности?

– Конечно же нет. Эта часть моей жизни лежит в папочке «Личное».

Она улыбнулась ему одними губами:

– Отчего же так категорично? Догадываюсь, каково было искушение. Представляю себе заголовок: «Подлинная история, как я разбил сердце самой Эмбер Дюбуа». Дорого бы заплатили телевизионные передачи, чтобы заполучить тебя в качестве героя. И едва ли я смогла бы подать на тебя иск, ведь так?

– Думаю, да. Но давай сойдемся на том, что я приберегал эту возможность на случай бедственного финансового положения. Согласна?

– Ты приберегал меня на случай безденежья? Даже не знаю, польщена я или оскорблена.

Ее глаза сузились, она облизнула нижнюю губу. Он вспомнил, как впервые поцеловал эти губы. Они тогда выходили из пиццерии и попали под проливной дождь. Он обнимал ее за талию, укрывая плащом, а когда они добрались до машины, смеясь и крича, пока дождь молотил по тротуару вокруг них, она повернулась к нему, чтобы поблагодарить, ее великолепное лицо оказалось всего в дюйме от него. И он поцеловал ее. Теплые губы, аромат кожи, живой и острый от дождя, ее дыхание, когда она на секунду положила голову ему на плечо, прежде чем юркнуть в машину.

Оба молчали. Он подошел к двери со стороны водительского места, в голове засела мысль о том, что она пассажирка, а он – ее шофер. Наемный помощник. И так будет всегда, если он не предпримет шаги, чтобы изменить ситуацию.

Для остальных он всегда будет крепким орешком, о который ломаются зубы. Только не для Эмбер. Девушки, подобные ей, не встречаются с прислужкой.

Сэм хмыкнул и стал аккуратно складывать средства для полировки.

– Успокойся, Эмбер. Чтобы стать журналистом в современных СМИ, надо долго и упорно трудиться. Я заработал это новое место в лондонском отделении. Да и нет нужды эксплуатировать мое прошлое, чтобы набрать очки у редактора. Фрэнк Эванс гораздо больше интересуется, что нынче происходит в твоей жизни. Не так много людей бросают карьеру в двадцать восемь. Ты просто обречена вызвать живой интерес.

– А ты, Сэм? Тебе интересно, что происходит в моей жизни прямо сейчас?

Он внимательно посмотрел в ее неожиданно спокойное лицо. Она не спускала с него глаз. Интересно ли ему? Волна замешательства и горячих сладостно-горьких воспоминаний нахлынула на него. Дыхание участилось, на долю секунды он чуть было ни поддался искушению забыть обо всем и, включив обаяние, узнать, какой Эмбер стала, сблизиться с ней и оставить только личное. Никакой работы.

«Глупец, помни о награде!»

– Сейчас меня интересует только кресло, ради которого я отрубил в окопах десять долгих лет. Прости, если расстроил тебя, но такова уж правда.

– Значит, твоему редактору потребовалась история, и ты возомнил, будто сумеешь воспользоваться нашим юношеским романом, чтобы что-нибудь выудить у меня. Жалкая позорная тактика. И если я только услышу – она театрально закатила глаза – «в память о нашем прошлом» или нечто подобное, клянусь, притворюсь, что ты довел меня до слез, буду всхлипывать всю дорогу до дома Саскии, и вся наша девичья компания, а с ней и команда моих юристов окажутся здесь в течение часа. Можешь не сомневаться.

– М-да, жестоко. Но в этом нет необходимости. Думаю, я уже принес себя в жертву твоей жажде мести. Не хотел бы я плутать в воспоминаниях, ни к чему эти все путешествия в прошлое.

На секунду ее губы задрожали, и та девочка, чуткая, ранимая и эмоциональная, которую он знал, вдруг оказалась перед ним, но прежде, чем он успел что-либо объяснить, она тихонько хмыкнула:

– Рада слышать это, потому что у меня к тебе своего рода деловое предложение. И будет на много проще, если мы сумеем удержаться в рамках чисто деловых отношений.

– Деловое предложение? Какой прогресс, какие перемены. Когда мы виделись в последний раз, твои мама и сводный брат отлично управлялись с твоей жизнью. Насколько я помню, ты тогда на свою беду совсем не смыслила в деловых вопросах.

Не успели эти слова соскользнуть с губ, как Сэм пожалел о сказанном.

Помнится, мать Эмбер пришла в ярость, когда обнаружила, что ее музыкально одаренная дочь бегает на свидания к сыну шофера, но он не стал выслушивать эту женщину, когда та втолковывала ему, что он тормозит развитие ее дочери и губит ее карьеру. Это он взял чек, которым ее мать размахивала перед ним. Это он ушел с вечеринки по случаю дня рождения Эмбер и уже на автостоянке встретил Петру, такую горячую и податливую. Возможно, именно поэтому жгучая боль не утихла даже через столько лет. Молодой Сэм пал жертвой вероломства матери Эмбер, ее расчет оказался верным. На что могла надеяться Эмбер, если бы пошла вслед за неудачником? Однако, надо отдать должное, ее мать интересовалась тем, что происходило с дочерью. В отличие от его матери.

Эмбер склонила голову, внимательно оглядела мастерскую и сосредоточила взгляд на спортивном автомобиле, который он только что полировал.

– А знаешь, я передумала. В конце концов, возможно, было ошибкой приходить сюда. Мои наилучшие пожелания в твоей новой работе, и, пожалуйста, передай привет папе от меня. А теперь, извини, у меня через час встреча с редактором другой газеты. Не хочу опаздывать. – Она резко встала и помахала одними пальцами. – Как-нибудь увидимся, Сэм.

Без колебаний, ни разу не оглянувшись, она направилась к выходу прогулочным шагом. Босоножки на танкетке, развевающееся легкое платье, ее совершенные формы. Она уходила прочь из его жизни, вместе с ней таяли шансы на удачную карьеру в Лондоне.

Глава 4

– Разве ты не спросишь меня, каково это – работать в том самом сияющем стеклянном офисном здании, на которое я каждую неделю таскал тебя посмотреть? – крикнул Сэм. – Ну же, Эмбер. Неужели ты забыла те вечера, когда ты выслушивала мои великие планы однажды стать известным журналистом? Я знаю, ты любопытна. Дай же мне еще пять минут, чтобы убедить тебя выбрать меня вместо какого-то другого журналиста для твоей истории.

Эмбер замедлила шаг и оглянулась на Сэма через плечо. Ее сердце подскочило и застучало в ритме диско только от одного только взгляда на него.

Слетевшее с губ Сэма имя мгновенно вернуло Эмбер в юность. Ей снова семнадцать, когда ночью и днем, каждую секунду, во сне или наяву она грезилась, думала только о том, чтобы услышать голос Сэма и увидеть его снова. Даже если для этого приходилось часами болтаться на заднем сиденье лимузина, торчать в гримерных матери по всей стране в качестве бесплатной помощницы на всех концертах. Все это окупалось сторицей, когда Сэм водил ее прогуляться, съесть пиццу или выпить стаканчик колы во время концертов. Это стало смыслом ее существования.

Эмбер обожала Сэма.

Он не сильно изменился. Немного раздался в плечах, да и в талии, впрочем немного. Симпатяга парнишка превратился в зрелого статного мужчину. Но если закрыть глаза, по голосу перед ней все тот же юноша, которого она знала. На нее нахлынули воспоминания, как она была в этом гараже последний раз. Он всегда смеялся, постоянно добродушно подтрунивал над ней, предупреждая, чтобы она не ударила головой о светильники. Толчки локтями, легкие прикосновения, поцелуи. Пока не предал ее, изменив с одной из ее лучших подруг. Воспоминания страшного крушения до сих пор омрачают радостные мгновения ее жизни. Эмбер повернулась к Сэму:

– Знаешь, меня волнует, не понатыканы ли тут кругом скрытые камеры, которые сейчас ловят каждое мое слово?

Он широко, во весь рот, белозубо улыбнулся. Эмбер с трудом отвела глаза и не без сожаления вздохнула. Он всегда отличался сексуальностью, был привлекателен в самой затрапезной одежде, за любой работой, великолепно владел своим телом. Она же всегда чувствовала себя неуклюжей и долговязой. Лицо Сэма светилось здоровьем и жизненной силой, годы добавили характерные черты уверенного и знающего себе цену мужчины.

– В этом гараже? Нет. Тут ты можешь говорить все что захочешь. Это останется между нами. Как всегда бывало раньше.

У Эмбер перехватило дыхание. «Ох, Сэм. Довериться тебе уж точно глупо».

Она замаскировала горький вкус разочарования за покашливанием. Должно быть, он отчаянно нуждается, если заходит так далеко ради этого интервью. Она понятия не имела, сколько зарабатывают журналисты, но неужели ему так необходимо это место? Конечно же она помнила все. Он рассказывал про свой будущий путь вплоть до самой вершины – прославленного журналиста крупнейших лондонских газет. Его имя на первых страницах солидных изданий, которые его отец читает в машине, пока ждет клиентов с заседаний и светских раутов.

Возможно, он по-прежнему жаждет успеха, который ускользал от него. И это интервью поднимет его еще на одну ступеньку длинной шаткой лестницы к вершине.

Она знаменитость, чем круче история, тем больше золотых звездочек окажется на листе, где подсчитываются его бонусы. И все. Ничего личного. Он убежал от нее при первой возможности, убежал воплощать свою драгоценную мечту. Она ничего ему не должна.

– Так же как раньше? В твоих мечтах, – пробормотала Эмбер очень тихо, но так громко, чтобы он расслышал. – Этот твой редактор действительно давит на тебя, если ты прибегаешь к этому.

Сэм не стал обращать внимания на колкости.

– Да, в отличие от некоторых, я нуждаюсь в работе, и мне непонятно, почему ты бросаешь свою. Ты всегда отличалась эксклюзивностью стиля, Эмбер, но прекратить выступления в двадцать восемь? Для этого требуется особая дерзость. Я восхищаюсь! Или... – он кивнул на ее руку в гипсе, прищурив глаза, – или все это из-за руки?

– Нет, – прошептала Эмбер. – Никакой связи с переломом.

– Рад это слышать. Однако многие считают, что ты используешь это заявление, чтобы начать своего рода войну ценовых предложений между конкурирующими оркестрами по всему миру. Этот рекламный трюк довольно часто используют.

– Я не использую. И не стану больше выступать. По крайней мере, не планирую. – Эмбер отвернулась, чтобы Сэм не заметил замешательство, неуверенность в том, как сложится дальнейшая жизнь.

Она еще в больнице приняла решение закончить выступления и предполагала, что простое заявление для прессы окажется самым легким способом закрыть эту часть своей жизни. Ее агент не был в восторге, конечно, но у него другой талант – его книги и устойчивый доход от ее записей и других контрактов. Она не потеряла для него своей ценности.

Музыка была ее жизнью, и мысль о том, что она никогда больше не будет выступать на публике, до сих пор вызывала беспокойство. Игра на фортепьяно – единственное, в чем она преуспела. Единственный способ завоевать похвалу матери.

Конечно, Джулия Сван больше обрадовалась бы, если бы дочь выбрала скрипку, пойдя по ее стопам, но очень скоро выяснилось, что маленькая Эмбер не питает склонности к иному инструменту, кроме фортепьяно.

Для девочки, в жизни которой слишком часто менялись дома, школы и отчимы, музыка оставалась одним из немногих постоянных величин. Игра на фортепьяно стала оправданием, спасением, убежищем. Она получала от игры и любовь, и преданность, и сочувствие, которых не доставало в жизни с резкой и требовательной матерью.

Она трудилась все упорнее и упорнее, чтобы преодолеть технические недостатки и превзойти других. Это давало выход боли и подавляемому гневу. Всему, что мучило и тяготило. Мать ее никогда не понимала, и когда Эмбер попыталась объяснить ей все в больнице, тоже не поняла. В бесконечных записках, посланиях по электронной почте, ночных звонках мать продолжала отговаривать ее, то умоляя, то настоятельно требуя.

Эмбер всегда находила в музыке радость. В отличие от матери, она не жаждала признания и обожания, а просто любила музыку и с радостью погружалась в ее эмоциональную власть.

Сэм Ричардс оказался единственным человеком на земле, который понял ее без слов. Ему не требовалось ничего объяснять. До этого момента она думала, что связь между ними исчезнет с годами, проведенными врозь.

Она ошибалась.

Сэм смотрел на нее тем напряженным пристальным взглядом, который всегда заставлял ее трепетать от восхищения и с нетерпением ждать, когда они останутся наедине, и тут на мгновение ее решимость поколебалась.

Обдумывать планы реванша над ним было легко и логично. Но сейчас сама мысль о мести показалась жалкой и оскорбительной. За прошедшие годы она приняла множество неправильных решений, и была в состоянии простить Сэму ошибки юности.

Эмбер уже хотела вымолвить слова прощения, но Сэм наклонил голову, и, потеряв подбородок, произнес:

– Тогда, полагаю, это вопрос денег.

Вот оно. Словно удар, пощечина наотмашь.

– Хочешь поговорить о мзде, которую ты взял у моей матери, чтобы оставить меня одну и уехать из Лондона? – Нижняя губа окаменела, но Эмбер удалось выдавить слабую улыбку.
– Ради новой карьеры, конечно.

Его лицо перекосило, губы дрогнули.

– На самом деле я больше думал о щедром пожертвовании, которое газета внесет на вашу любимую благотворительность. Хотя могу представить – мы не единственные, кто готов предложить это тебе. Не то чтобы ты нуждалась в деньгах, конечно. Или в славе.

– Ты считаешь, что мне не нужна слава?

– Она у тебя уже есть. Твое лицо на афишах, рекламных щитах и автобусах, твой последний диск вошел в десятку лучших, ты побила все рекорды по числу поклонников в социальных сетях. Слава, популярность – не твоя проблема, Эмбер.

– Это все связано с работой. Я ведь в сфере индустрии развлечений. Поправка. Была. Теперь меня это больше не интересует.

– Тогда оставим это. Итак, почему ты тогда обсуждаешь со мной возможность интервью? Принимая во внимание, что не нуждаешься в славе.

– Простая логика. Я думала, прессе все наскучит недели через две и она перекинется на какого-нибудь другого музыканта. Но я ошиблась. Сегодня утром меня чуть не разорвала толпа у студии грамзаписи. – Она помахала рукой в воздухе. – Одно интервью. Один журналист.

Сэм засунул руки в карманы джинсов, улыбку сменила настороженность.

– Погоди-ка. Ты предлагаешь мне эксклюзив? В чем подвох?

– Какой ты подозрительный! Просто хочу дать интервью именно тебе. – Она откашлялась и склонила голову набок, прекрасно осознавая, что он весь во внимании. – Но существует несколько условий, которые нам следует согласовать до того, как я начну говорить под запись.

– Условия. Вот тут-то, видимо, ловушка.

– Предпочитаю рассматривать их как условия деловой сделки. Ты делаешь что-то для меня, я делаю что-то для тебя. Насколько я поняла, часть моих предложений покажется тебе достаточно заманчивой. Не передумал?

– Ага. Теперь мы подошли к сути. Ты знаешь, у тебя преимущество, поэтому пришла сюда злорадствовать?

Слова застряли в горле. Неужели он действительно так думает? Воспринимает ее избалованной куклой, которая явилась к нему, чтобы впечатлить своими достижениями.

– Я не настолько изменилась, Сэм. Тебе нужно интервью со мной, мне необходимо кое-что сделать, и в этом ты можешь мне помочь. Все очень просто.

– Просто? Никогда ничего не было просто, когда дело касалось тебя, Эмбер.

Сэм широко раскинул руки и облокотился спиной о верстак, бицепсы напряглись и отчетливо проступили сквозь футболку. Сердце ее заколотилось, она ощутила, что лицо заливают краска, в то время как он тщательно ощупывает ее взглядом. Можно сослаться на горячее майское солнце, но кого она пытается одурачить?

Он был первым, кто заставил ее испытывать трепет. Кроме него в ее жизни было всего двое мужчин. Все красивые как боги, крепкие и сильные, энергичные и напористые, и очень далекие от мира музыки. Каждый из них как вихрь подхватывал ее и стремительно вовлекал в свой мир, не давая опомниться и подумать, что она делает и есть ли хоть малейший шанс у этих отношений. Стоит ли удивляться, что все кончалось расставанием и слезами, изумлением и замешательством, бесконечными вопросами, как все случилось и почему. Совершенно ясно одно: Сэм первый и бесполезно заново переживать боль, чтобы поменять соотношение очков в матче-реванше.

Время принятия решения.

Если она решилась, это надо делать сейчас, подавить трепет, записав его на счет прошлой глупости. Или развернуться и бежать. Прислушаться к мнению добрых подруг. И поступить так, как она поступила бы всего несколькими месяцами раньше, прежде чем ее жизнь изменилась.

– Я не планировала давать интервью после официального сообщения для печати. Та часть моей жизни завершена. Но у меня есть некоторые дела, в которых ты можешь помочь, а тебе нужно интервью, чтобы впечатлить редактора и добиться цели. Скажи, я красная?

Он пожал плечами и попытался сохранить небрежное выражение лица. Но у него подергивался уголок рта, что случалось всякий раз, когда возникали сложности, а он не хотел говорить об этом.

– Есть немного.

– Немного? Еще чуть-чуть, и я запыхаюсь как на костре. Если я пойду в другую газету, ты будешь высматривать кинозвезд с тротуара, когда те, пошатываясь, покидают вечеринки, надев вместо шляпок на голову штаны.

– Гм. Теперь начинаю понимать. Ты хочешь видеть, как я страдаю. – Сэм вцепился в верстак так крепко, что побелели костяшки пальцев.

Эмбер вздрогнула и слегка пожала плечами:

– Ты бросил меня без всякого объяснения и разбил мне сердце. Ты прав, было бы досадно упустить возможность справедливой кары. И мне нисколько не стыдно. – Эмбер вздохнула. – Но это случилось давным-давно, Сэм. И я желаю спрятать это как можно дальше, а на коробке написать: «Было и бывшем поросло». Думаю, это поможет.

Сэм закрыл глаза, несколько раз покачал головой и громко рассмеялся:

– Я почти испуган, боюсь даже спросить, в чем будет мое наказание. Но, пожалуйста, продолжай. Давай покончим с этим скорее. – Он выпрямился во весь рост, расправил плечи и поднял голову. – Рази меня.

Эмбер побрела внутрь гаража, сосредоточив внимание на спортивном автомобиле. Провела кончиками пальцев по кожаным сиденьям. Лицо горело от осознания, что пристальный взгляд Сэма все еще изучает ее затылок, спину и ниже.

– Я хочу покончить с этим при первой же возможности, но сейчас у меня туго со временем. Я ремонтирую квартиру, и девочки хотят отпраздновать мой день рождения на этой неделе.

Она на мгновение замерла, когда услышала, как он резко втянул воздух.

– Восемнадцатое мая. Трудно забыть.

Эмбер резко развернулась. Язвительное замечание уже готово было сорваться с губ, но она прикусила язык, увидев на лице Сэма выражение печали и раскаяния. Мгновение его губы дрожали, потом он справился с собой:

– Занятая неделя. Никаких проблем. Дай мне свой электронный адрес, и я вышлю часть вопросов, чтобы ты поработала над ними, когда у тебя появится время.

– Вопросы по электронке? Э, нет. Это эксклюзивное интервью, и оно будет личным. Но есть условия.

Она пересекла расстояние, разделявшее их, пока ее лицо не оказалось буквально в дюйме от его лица, и облизала губы, прежде чем продолжить.

– Послушай, Сэм, – произнесла она тихо и серьезно, не спуская с него пристального взгляда. – Я знаю, людям интересно, почему я решила прервать выступления, но причины очень личные и очень важны для меня. Репортеру ничего не стоит сделать топорную работу, тиснув статейку под каким-нибудь диким заголовком, лишь бы продать как можно больше экземпляров газеты. Поэтому... я должна быть уверена, что могу доверять журналисту, от которого жду понимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.